

О. И. Севастьянова

АППИАН И ЕГО «РИМСКАЯ ИСТОРИЯ»

«Вестник древней истории» предпринимает издание в русском переводе всех тех книг «Римской истории» Аппиана, которые остались еще непереуведенными, и это заставляет вновь обратиться к вопросу о значении этого автора¹.

Дореволюционных переводов Аппиана на русский язык не существует. Буржуазные ученые мало интересовались этим историком. Относясь к нему с некоторым пренебрежением, они недооценивали его труд, хотя и признавали его значение для истории Рима.

На выдающиеся качества Аппиана как историка обратил внимание Маркс. В своем письме к Энгельсу от 27 февраля 1861 г. Маркс писал: «...по вечерам отдыха ради увлекался «Гражданскими войнами в Риме» Аппиана в греческом оригинале. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн»². Мнение Маркса об Аппиане разделял и Энгельс. В своей работе «Людвиг Фейербах» Энгельс писал: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и выразительно, из-за чего она велась: из-за землевладения»³. Указанная Марксом и Энгельсом особенность Аппиана как историка, его стремление «докопаться до материальной подкладки... гражданских войн», понимание им того, что основной причиной политической борьбы, которой насыщена вся история Римской республики, является борьба за землевладение, — резко отличают Аппиана от всех современных ему историков и вместе с тем объясняют причину отношения к нему буржуазных ученых. Эта особенность Аппиана делает его труд, несмотря на ряд различного рода недостатков, весьма ценным для советского исследователя.

Аппиан принадлежал к тому новому служилому слою рабовладельческого общества, который выдвигался на государственной службе и занял прочное место в Римской империи II в.

Биографические сведения об Аппиане очень скудны. Сам он во введении к своему труду говорит о себе очень кратко, указывая, что о том, кто он такой, «знают многие» и что у него «есть сочинение и относительно этого» (Ргооет., 15). Но это сочинение утрачено. Немногочисленные сообщения

¹ См. О. И. Севастьянова, Введение к переводу «Митридатовых войн» и «Сирийских дел» Аппиана, ВДИ, 1946, № 4, стр. 231—238.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 15.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 673.

как самого Аппиана, так и других источников, в частности Фронтон¹, позволяют составить лишь общее представление о жизненном пути историка.

Аппиан был грек, уроженец египетской Александрии, бывшей во II в. крупным культурным центром. Родился он, видимо, в самом начале II в., при Траяне. В родном городе А п п и а н дошел «до первых степеней» (Грооеш., 15), но вынужден был из-за поднявшегося там восстания уехать в Рим. При Адриане Аппиан получил римское гражданство, сделался всадником и занял видное место в бюрократическом аппарате. Будучи, видимо, адвокатом фиска, А п п и а н выступал, как он сам говорит, «по судебным делам перед лицом царей» (Грооеш., 15). После продолжительных хлопот за него перед императором Антонином его друга ретора Марка Корнелия Фронтон¹ Аппиан был, наконец, назначен прокуратором фиска в Египет. Эту должность он занял, вероятно, уже при Марке и Вере. На этом кончаются имеющиеся в распоряжении науки сведения о жизни Аппиана. Умер он, вероятно, в 70 гг. II в.

Аппиан жил и писал в тот период, когда Римская империя, простиравшаяся от Британнии до берегов Евфрата, из государства римских граждан превратилась в мировую средиземноморскую державу. По своей экономике, социальным отношениям и культурной жизни этот период значительно отличается от предшествующей эпохи. Италия и Рим потеряли преобладающее значение в обширном Римском государстве. Экономические центры перемещаются в провинции. В эпоху империи эксплуатация провинций принимает по сравнению с эпохой республики, более планомерный и систематический характер, и это дает место некоторому их хозяйственному оживлению. Всюду растут провинциальные города, превращаясь в центры ремесла, торговли, муниципальной жизни и новые культурные очаги империи. Культурное возрождение империи тесно связано с распространением эллинистическо-римской культуры по территории всей империи. В то же время сам Рим теряет в значительной мере свое культурное значение. Старая римско-италийская знать, составлявшая в конце республики господствующую верхушку Римского государства, окончательно сходит со сцены. Энгельс, характеризуя римское общество этого времени, говорит: «Немногие оставшиеся еще в живых старо-римляне патрицианской складки и патрицианского образа мыслей были устранены или вымерли; их последним представителем был Тацит. Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось наживой, наслаждением богатством, частными сплетнями, частными интригами»¹. Старую знать вытесняет новая знать, вышедшая из рабовладельческой аристократии Италии и провинций и военно-бюрократического аппарата империи. По своим политическим настроениям эти слои, в противоположность старой знати, в большей своей части оппозиционно настроенной, были тесно связаны с монархическим режимом империи Антонинов.

Изменения в социальной структуре империи и политических настроениях знати нашли отражение и в литературе, в частности, в историографии.

Писатели, а также некоторые историки II в. являются преимущественно уроженцами провинций: таковы Плутарх из беотийской Херонеи, Дион из Прусы, Лукиан из Самосаты, Арриан из Никомедии, Апулей из африканской Мадавы, Фронтон из Цирты, наконец, Аппиан из Александрии.

Ученые и писатели II в., в противоположность историкам I в., в той или иной степени хранившим республиканские традиции, часто были непосредственно связаны с императорским двором, пользовались покрови-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

вительством императоров. Многие принадлежали к провинциальной знати, играли крупную роль в государственном аппарате империи и были сторонниками существующего государственного строя и правящей династии. Оппозиционные настроения ограничиваются как у латинских, так и у греческих авторов отрицательной оценкой того или иного императора, но не режима в целом. Даже сознание своего былого культурного превосходства над завоевателями не шло у греческих писателей далее воспевания славного прошлого предков.

Изменяются также форма и содержание литературных произведений, приспособляясь к запросам времени. От литературных произведений требуется теперь прежде всего совершенство формы, содержание начинает играть второстепенную роль. Самостоятельные исследования уступают место компиляциям, комментированию древних авторов. Эти явления знаменовали надвигавшийся упадок античной культуры, отражавший тот общий кризис, в который вступала Римская империя во II в.

Характерной чертой литературных произведений этого периода является идея величия Рима, прославление римского могущества, Римской мировой державы и римского мира — *рaх Romana*, как одного из главных достижений императорской власти. Эта идея развивается в ряде произведений, в том числе и исторических, и наиболее яркое выражение находит в панегириках, принадлежащих как римским, так и греческим авторам, например, в панегирике Траяну Плиния Младшего, панегириках Элия Аристида и т. д.

При всей тенденциозности проводивших эти идеи произведений они отражали отношение римского рабовладельческого общества к императорскому режиму и то, по словам Энгельса, «всеобщее убеждение, что из этого положения нет выхода, что если не тот или другой император, то все же основанная на военном господстве императорская власть является неотвратимой необходимостью»¹.

По своей основной идее «Римская история» А п п и а н а примыкает к этому направлению. Аппиан ставит своей задачей прославление величия Римского государства, доказательство целесообразности установления власти Рима над всеми областями и народами, вошедшими в состав Римской державы. А п п и а н говорит, что его целью было прославить «доблесть римлян». Проследив развитие Римского государства, расширение его пределов, А п п и а н сравнивает Рим с другими державами древнего мира — державой афинян, империей Александра, эллинистическими царствами — и утверждает, что «ни одна держава вплоть доныне никогда не достигала таких размеров и не имела такого длительного существования» (Ргооет., 8). Причиной преуспеваания римлян, того, что их владения «и величиной и счастьем выделились из всех», являются, по мнению А п п и а н а, личные качества римлян, их «благоразумие» и «доблесть». Римляне достигли могущества потому, что они «превзошли всех своей доблестью, выдержкой и упорством» (Ргооет., 11).

У Аппиана можно проследить и другую черту, присущую историографии ранней империи: восприятие режима принципата как установления внутреннего и внешнего мира. Восхваление *рaх Romana*, ставшего официальным лозунгом Римской империи I—II вв., пронизывающее и римскую и греческую литературу со времен Августа, не чуждо и Аппиану. Установленный империей мир обеспечил, по мнению Аппиана, внутреннее благосостояние и внешнее могущество государства. За время правления императоров «и полис весьма сильно украсился, и доходы государства

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

весьма сильно возросли, и все при длительном и устойчивом мире дошло до процветания и безопасности» (Прооеш., 7).

Обращение Аппиана к лозунгу рах Романа весьма знаменательно. С середины II в. нарастание внутренних противоречий и классовой борьбы нарушает ту относительную устойчивость, которой римское общество достигло в начале века. Вновь усиливаются народные движения в провинциях, особенно восточных, выливаясь нередко в открытые восстания — в Иудее, в Египте и т. д. Нарушается не только внутренний, но и внешний мир: вторжения варваров становятся настойчивее и грознее. Борьба с ними наполняет правление последних Антонинов. В этих условиях лозунг рах Романа снова приобретает популярность.

Развитие этих идей в труде Аппиана тесно связано с политическими воззрениями автора. Аппиан был сторонником монархии. Он считал, что Цезарь, «достигший верховной власти, принес большую пользу римлянам» (BC, III, 1). Убийство Цезаря он рассматривал как «злодеяние» (II, 118), месть за него — как законную и справедливую. К демократии и народным движениям Аппиан относился отрицательно. Демократию он считает «словом красивым, но всегда бесполезным» (IV, 133). Гражданские волнения, по его мнению, всегда бывают причиной гибели великих государств (Прооеш., 11). Вождей демократии Аппиан оценивает как честолюбцев, заискивающих перед народом, движимых только тщеславием. Такими выступают у него представители демократии во время II Пунической войны — Фламиний (Hann., 9) и Терентий Варрон (Hann., 17), вождь афинского восстания 88 г. до н. э. Аристион, возглавивший демократическое антиримское движение (Mithg., 28). Эти политические воззрения предопределили освещение Аппианом событий с проримских и враждебных демократии позиций.

Те задачи, которые ставил себе Аппиан, вызвали своеобразное построение его труда. Сам он указывает на отличие его труда от других исторических сочинений. Он говорит, что, когда он «хотел точно познакомиться с их [римлян] доблестью при столкновении с каждым отдельным народом» (Прооеш., 12), ему пришлось постоянно переключать свое внимание с одной страны на другую и с одного незавершенного события на другое; поэтому, в конце концов, он свел для себя эти отдельные события в одно целое для каждой страны. Это, — пишет А п п и а н, — «сделано мною относительно каждого народа...» (Прооеш., 12); «сочтя же, что и другой кто-нибудь захочет узнать таким образом историю римлян в таком порядке, я описываю ее по каждому отдельному народу» (Прооеш., 13).

Таким образом, Аппиан отступил от обычного для греческой и латинской историографии хронологического порядка и сгруппировал свой материал по этнографическому признаку, дав последовательный ряд монографий о войнах римлян с отдельными народами, вошедшими позднее в состав Римской державы, но соблюдая внутри каждой монографии хронологическую последовательность изложения. В начале некоторых монографий имеются этнографические и исторические очерки, посвященные соответствующим странам. Что же касается внутренней истории Рима, то ее Аппиан излагает, описывая лишь крупнейшие внутренние столкновения. Такое построение приблизило «Римскую историю» А п п и а н а к типу всемирных историй, созданных греческими авторами.

Эта особенность композиции труда Аппиана сделала для него возможным дать обширные сведения по истории племен и народов античного мира и процесса подчинения их римлянами.

Труд Аппиана состоял из 24 книг. Он охватывал римскую историю от основания Рима до первых десятилетий II в. н. э. Первая книга была посвящена древнейшему периоду и называлась «Царской». Следующие

три книги содержали рассказ о завоевании Римом Италии и о борьбе с галлами. Они носили названия: II — «Италийской», III — «Самнитской» и IV — «Кельтской». Дальнейшие книги: V — «Сицилийская и островная», VI — «Иберийская», VII — «Ганнибалова» и VIII — «Ливийская» — излагали историю войн Рима с Карфагеном. История завоевания Македонии и Греции, а также войн на Востоке с Антиохом и Митридатом была описана в книгах: IX — «Македонской и иллирийской», X — «Эллинской и ионийской», XI — «Сирийской», XII — «Митридатовой». События внутренней римской истории до 37 г. до н. э. составили содержание XIII—XVII книг, носящих общее название «Гражданские войны». Дальнейшая римская история с 37 по, вероятно, 31 г. до н. э., а также история завоевания Римом Египта были изложены в XVIII—XXI книгах («Египетские»); XXII книга — «Столетие» — содержала историю Римской империи I в. Книжки XXIII и XXIV были посвящены войнам Траяна в Дакии и Аравии («Дакийская» и «Аравийская»). Наконец, заключительная часть работы Аппиана, как он говорит в своем введении, была посвящена обзору государственного управления, организации армии, состояния финансов, податной системы. Наконец, у Аппиана была, по всей вероятности, особая книга, касающаяся Парфии.

Интерес Аппиана, занимавшего важный пост в имперском аппарате, к вопросам государственного устройства вполне закономерен. Также не случайно внимание Аппиана к парфянскому вопросу. Отношения с Парфией, оказавшейся после включения Египта в состав Римской державы единственным крупным государством, противостоявшим Риму на Востоке, заняли уже с середины I в. до н. э. видное место во внешней политике Рима. Особенное значение эти отношения приобретают в начале II в., когда возобновляется завоевательная политика Рима на Востоке, в результате которой зависимое Nabateyское царство было превращено в провинцию, Армения на некоторое время испытала ту же участь и Траян, начав наступление против парфян, захватил Ктесифон. Были планы и дальнейших походов на Восток, в Индию, по следам Александра.

Походы Траяна возбудили интерес к восточным странам, завоевание которых открыло бы широкие возможности их эксплуатации. Этот интерес обусловил появление ряда сочинений, посвященных как самим парфянским походам, так и странам, лежащим к востоку от Римской империи. Таковы *Parthica* Флавия Арриана, *de Bello Parthico* Фронтоня и многие другие, не сохранившиеся до настоящего времени сочинения, о которых говорит Лукиан (*Πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν*). Видимо, эти темы интересовали и Аппиана. В «Сирийской» книге он пишет: «Об этом [т. е. о вторжении парфян в Монию] я расскажу подробно в книге о Парфии» (*Sug.*, 51).

Труд Аппиана, над которым он работал в конце своей жизни (во всяком случае до 160 г., поскольку Евфрат он называет границей Римской империи на Востоке), остался, видимо, незаконченным.

«Римская история» Аппиана целиком не сохранилась. Полностью уцелели только книги VI—VIII и XII—XVII. Книжки XVIII—XXIV утрачены совершенно, от остальных сохранились более или менее обширные отрывки.

По общему мнению исследователей, труд Аппиана предназначался в первую очередь для эллинов. Он был вызван потребностями эллинского общества, этими же потребностями в значительной мере определялись характер и качественный уровень сочинения.

Культурный подъем греческих городов во II в., называемый некоторыми «эллинским возрождением», был только кажущимся. За ним скрывались упадочное состояние общества, мелочность интересов и бессодержательность жизни. Хотя и появляется большое количество литературных

произведений, но по своим качествам они далеко уступают классическим образцам. Уровень образования снижается, снижаются и требования, предъявляемые к литературным трудам.

Аппиан, повидимому, не ставил себе целью заново исследовать историю Рима. Он хотел создать популярное историческое сочинение, которое должно было показать величие Римского государства, превосходство его политической системы, закономерность и целесообразность римского господства во всем тогдашнем мире. В условиях монархического режима Антонинов такое сочинение имело большое пропагандистское значение.

При составлении своего труда Аппиан пользовался уже существующими историческими сочинениями, но какими именно — сказать трудно. Несмотря на ряд исследований, вопрос об источниках Аппиана продолжает оставаться одним из самых сложных вопросов античной историографии. Между тем особенности Аппиана, на которые указали классики марксизма, делают изучение его труда и, в частности, вопроса об его источниках неотъемлемой задачей советской историографии.

Сам Аппиан свои источники называет крайне редко. Он ограничивается, как это обычно делали и другие античные историки, указанием λέγεται, не называя имен тех, кто говорит. Даже приводя различные мнения, Аппиан пишет: «такого мнения держатся некоторые; другие же полагают...» (например, *Mithr.*, 1).

Усилия ряда буржуазных ученых, считающих Аппиана посредственным компилятором, выяснить его источники сводились к сопоставлению отдельных мест и даже фраз его сочинения с соответствующими местами других авторов, установлению тождества или расхождения этих мест и отысканию автора, к которому могло восходить данное место Аппиана. Вся эта длительная и кропотливая работа дала в общем немного для разрешения вопроса об источниках Аппиана. Другие существующие мнения, что в основе труда Аппиана лежит какой-то один автор (например, Страбон или, по другим предположениям, Николай из Дамаска и т. д.), не получили признания.

Наиболее распространенным и правдоподобным является мнение, что Аппиан привлек при составлении своего труда целый ряд сочинений, различных по характеру и достоинствам. «Римская история» свидетельствует о том, что ее автор был хорошо знаком и с греческими и с римскими авторами. Некоторых он называет сам: Гиеронима из Кардии, Полибия, Цезаря, Варрона и т. д., ссылается на какой-то очень обширный труд по римской истории (Прооп., 12), возможно, Ливия. Аппиан использовал труды анналистов, мемуары, биографии политических деятелей и т. д., иногда непосредственно, иногда через третьих лиц.

Хотя нельзя отрицать влияния различных источников на отдельные части сочинения Аппиана, отражения порой различных тенденций, тем не менее нельзя сводить роль самого автора к механическому компилированию.

Видимо, Аппиан подбирал для каждой книги из множества знакомых ему сочинений те, которые, во-первых, могли дать ему нужный материал, а во-вторых, удовлетворяли его по своим историческим тенденциям. Почерпнутый материал Аппиан переносил в свою историю не механически, но по-своему осмысливая, интерпретируя и группируя его.

В результате этой самостоятельной работы умного, трезвого писателя труд Аппиана приобрел ряд достоинств, которые выгодно отличают его от других исторических сочинений и делают его ценным источником.

Следует прежде всего отметить строго фактическое изложение событий, реализм и трезвость взглядов. Те особенности Аппиана, на которые указал Маркс в отношении «Гражданских войн», — стремление докопаться

до «материальной подкладки» этих войн, в известной степени свойственны всему его труду. Так, Аппиан видит причины войн Рима с Карфагеном в их соперничестве: сперва из-за господства над Сицилией, затем — над Испанией; война с Митридатом была вызвана, по его мнению, тем, что римляне боялись чрезмерного усиления Понтийского царства и желали раздробить его; нашествие галлов на Италию Аппиан объясняет недостатком у них земли и стремлением приобрести ее в Италии. Подобные примеры можно значительно умножить.

Самостоятельной особенностью Аппиана как историка, принадлежавшего по своему положению к господствующей прослойке класса рабовладельцев, является также понимание им значения выступлений рабов. Он указывает, например, на роль рабов в восстании гарнизона, стоявшего в Кампании во время I Самнитской войны (Samn., 1), говорит о связи аграрного движения при Тиберии Гракхе с I Сицилийским восстанием рабов (BC, I, 9), правильно считает борьбу рабов главным содержанием внутренних войн, возникших в греческих городах провинции Азии после I Митридатовой войны (Mithr., 61). Восстание Спартака Аппиан называет «страшной войной» (BC, I, 118).

Отличает Аппиана и отсутствие в его труде модной в его время моралистической тенденции. За введенное в рассказ о Митридатовых войнах рассуждение о недостойном поведении философов, которые участвуют в народных движениях, он извиняется перед читателями и просит винить не его, а этих философов (Mithr., 28). Говоря о суде над Сципионом и вспоминая в связи с этим Эпаминонда, Аппиан как бы иронически замечает: «по этому поводу, если кто хочет, может провести между ними параллель» (Syr., 42). Известно, что такие параллели служили иногда своего рода жанром дидактических произведений.

Чужды Аппиану и характерные для литературы II в., особенно греческой, архаистические тенденции, восхваление минувших времен. Далекое прошлое народов, даже римлян, не идеализируется Аппианом. Более того, видимо, древнейшая история интересует его мало, и очерки, посвященные этим периодам, кратки и строго фактичны. Даже прошлое афинян и походы Александра не вызывают восхищения Аппиана (Prooem., 8). Наоборот, дела недавнего прошлого кажутся Аппиану более достойными прославления. Такими событиями представляются ему, например, войны Рима на Востоке, когда «при помощи немногих битв римляне овладели таким количеством народов Азии» (Prooem., 9).

Хотя «Римская история» Аппиана и возвышается рядом особенностей над современными ей трудами, однако и ей свойственны общие черты, характерные для античной историографии.

Аппиан, как и подавляющее большинство античных историков, интересуется преимущественно политической историей. Главное место у него занимает военная история, что естественно вытекает из тех задач, которые ставит себе автор. Несмотря на свой реализм, Аппиану не удалось целиком освободиться от чрезвычайно распространенного в древности объяснения исторических событий волей богов, судьбой. Правда, мистический элемент у Аппиана незначителен. Он очень редко прибегает в истолковании причин исторических событий к объяснению их божественным предначертанием. Если такие истолкования и встречаются, они касаются всегда фактов незначительных и зачастую представляют собой скорее риторический оборот. Интересно, что во всех этих случаях Аппиан называет божество, не указывая имени и в единственном числе: не боги, а бог. «Богу было угодно отомстить римлянам» (Samn., 2), — говорит он, описывая поражение в Кавдинском ущелье; «бог отвратил Ганнибала от этого намерения [похода на Рим после поражения римлян при Каннах]

(Hann., 12); «божество лишило Антиоха способности здраво рассуждать» (Syr., 28), — пишет Аппиан, передавая отчаяние его после утраты Лисимахии и Фракийского Херсонеса. Видимо, на Аппиана оказали большое влияние монотеистические идеи, широко распространенные в ту эпоху. Рассмотрение труда Аппиана с точки зрения его религиозных представлений могло бы стать предметом специального исследования.

В объяснении исторических событий известную роль у Аппиана играют факторы судьбы и счастья. Он считает (Proem., 12), что победы римлян над другими народами зависят не только от их доблести (*ἀρετή*), но и от счастья (*εὐτυχία*). Октавиан выходит победителем в гражданских войнах благодаря не только своим талантам, но и своему счастью.

Труд Аппиана в известной степени находился под влиянием риторичности, столь присущей всем историческим сочинениям того времени. Влияние это не одинаково в разных книгах. Более всего оно сказывается, например, в «Самнитской» книге, некоторых книгах «Гражданских войн» (III) и проявляется в компоновке речей. В большинстве же книг Аппиана речи кратки, содержат только наиболее важное. Аппиан почти не отступает от изложения фактов.

К недостаткам труда Аппиана, осложняющим работу современного исследователя, относится неравномерность в распределении материала. Некоторые периоды разработаны достаточно тщательно и подробно, тогда как другие, казалось бы, не менее важные для развития его основных идей, описаны кратко, сбивчиво и небрежно. На небрежность Аппиана в пользовании источниками неоднократно указывалось. У Аппиана встречаются ошибки в изложении исторических событий, в хронологии, географии и т. д.

Пишет Аппиан однообразным, сухим языком делового человека. По литературным достоинствам труд Аппиана стоит значительно ниже исторических сочинений многих его предшественников.

Но все эти недочеты труда Аппиана не лишают его большой историографической ценности.

Она заключается в том, что только у Аппиана имеется последовательный рассказ о некоторых важнейших периодах истории Рима, важные сведения по истории эллинистических государств, а также известия о тех племенах и народах, на которые распространилось господство римлян. Труд Аппиана содержит много сведений из утраченных сочинений. В противоположность распространенному в зарубежной науке мнению, нужно признать, что Аппиан — не простой компилятор, а самостоятельный, в известной мере оригинальный историк, по-своему перерабатывающий источники и по-своему освещающий ряд событий римской истории. Особое значение имеет то, что Аппиан учитывает материальное основание событий и общественных отношений, приближается к пониманию роли классовой борьбы, движения рабов. Это дает ему особое место в ряду античных историков.

* *
*

В заключение нужно остановиться на источниках Аппиана в первых четырех книгах.

От I — «Царской» — книги сохранилось два сравнительно больших отрывка у Фотия, несколько мелких, большей частью в одну фразу, извлеченных из Свида и неизвестных грамматиков, и, кроме того, выдержки о войне римлян с сабинянами и примирении их женщинами. Фрагменты из Фотия представляют собой epitomae начала книги о царях. Здесь говорится об Энее, его преемниках, основании Рима и семи римских царях.

От II книги — «Италийской» — остались лишь незначительные фрагменты, если не считать рассказа о Марции Кориолане. От III — «Самнитской» — книги сохранилось несколько более пространных отрывков. Важнейшие из них касаются восстания кампанского гарнизона и похода его на Рим в конце I Самнитской войны, поражения, нанесенного римлянам самнитами в Кавдинских ущельях, войны римлян с сенонами; последние отрывки касаются событий 282—278 гг. — войны с Тарентом и Пирром. Что касается IV книги — «Кельтской», — то первый фрагмент представляет собой ее эпитому, далеко непоследовательную и в большей части посвященную войнам Цезаря. Дальнейшие фрагменты относятся к нашествию галлов на Рим, войнам с кимврами и тевтонами и некоторым эпизодам галльских войн Цезаря. Незначительность сохранившихся фрагментов затрудняет суждение о первых четырех книгах Аппиана. Особенно сложным представляется вопрос об источниках. Что касается древнейшего периода (основания Рима и периода царей), то по характеру и терминологии рассказ Аппиана далек от Ливия с его идеализацией царского периода. По мнению ряда исследователей, Аппиан пользовался здесь Дионисием Галикарнасским, выбирая из него только то, что относилось к древнейшей истории Рима. Но и на этом сжатом рассказе сказывается влияние поздней анналистики, например, в перечне имен царей, правивших от Энея до Ромула и Рема, в указаниях на то, что на берегу Италии до его времени показывали место высадки и лагеря бежавшего из-под Трои Энея. Но для последующих событий, содержащихся в первых четырех книгах, т. е. до середины 70 гг. III в. до н. э., и Дионисий и Ливий источниками Аппиана не были, и, как правильно указал еще Моммзен, Аппианов рассказ отражает в этих книгах особую анналистическую традицию, отличную от традиций Ливия и Дионисия. Предположения, что Аппиан использовал здесь Валерия Антиата, не получили общего признания. В IV книге А п п и а н сам дважды ссылается на свои источники; в *Celt.*, 1,3 А п п и а н, говоря о войне Цезаря с гелльветиями, пишет: «как сообщает в хронике Павел Клавдий». В другом месте (*Celt.*, 6) А п п и а н, рассказывая о некоторых эпизодах взятия Рима галлами, пишет, «что это было так, говорит Кассий Римлянин». На эти указания обращалось мало внимания, между тем они этого вполне заслуживают.

Если допустить, что Аппианом самим или его переписчиками допущена ошибка в имени анналиста Клавдия, то в Павле Клавдии можно видеть Квинта Клавдия Квадригария. Анналист Клавдий Квадригарий написал исторический труд в 23 книгах, который охватывал историю Рима с 390 г. до н. э. до Суллы. Для древнейшего периода он переработал греческую летопись Гая Ацилия, автора II в. Хотя Ливий указывает на недостоверность ряда мест у Клавдия, этот автор за его старомодный, вычурный язык был очень популярен при Антонинах. Им широко пользовались друг Аппиана Фронтон и Авл Геллий, у которых и сохранилось большинство отрывков из Квадригария. Отсюда можно предполагать использование Квадригария и Аппианом. Второй называемый Аппианом автор — Кассий — Луций Кассий Гемина, живший в середине II в. и принадлежавший к числу старших анналистов. Его труд в 4 книгах, написанный до опубликования *Annales maximi*, также был популярен во II в. и много цитируется Плинием и Авлом Геллием. До Плиния этот анналист в римской литературе не упоминается. Это дало основание утверждать, что труд Кассия Гемины остался современниками незамеченным и был разыскан антикварами времен Цицерона. Его, видимо, знал уже Варрон, а через него — позднейшие авторы. Вполне вероятно, что его привлек и Аппиан, причем выбор Аппианом именно этого анналиста может найти свое объяснение, если обратиться к некоторым фрагментам Аппиана, касающимся социальной борьбы в Риме в эпоху ранней республики.

Отрывок Аппиана о восстании кампанского гарнизона (в 342 или 339 г.) во время I Самнитской войны изображает эти события следующим образом. Причиной восстания была задолженность солдат римским ростовщикам; к восставшим присоединяются рабы-должники в окрестностях Рима; когда армия восставших подходит к городу, создается угроза присоединения к восстанию закабаленной ростовщиками бедноты, вследствие чего сенат прощает долги и амнистирует восставших. Этот отрывок Аппиана проливает свет на внутреннее состояние римского общества в середине III в. и объясняет причину принятия в 326 г. закона Петелия об отмене долгового рабства. Совсем иначе передаются эти события у Ливия. Об участии рабов у Ливия не упоминается, социальная сущность восстания выхолощена, значение его приижено, на всем рассказе лежит печать социальных отношений позднейшего времени. Это различие указывает на то, что Аппиан для ранней истории Римской республики и, в частности, для истории борьбы патрициев и плебеев поздней анналистикой, а также и сочинениями авторов I в. до н. э., модернизирующими события этой борьбы, не пользовался, а избрал источник более ранний, более правдиво излагавший события внутренней истории Рима. Таким источником и был Кассий Гемина.

Что касается галльских войн, то, кроме названных авторов, Аппиан для описания походов Цезаря пользовался записками самого Цезаря, на которые прямо ссылается.

Привлечение Аппианом старых, не дошедших до настоящего времени авторов, иная трактовка борьбы патрициев и плебеев, чем у писателей, следующих традиции Ливия, делают небольшие фрагменты Аппиана весьма ценными для советского исследователя.

